Лит. Россия – 1992 – 30 окт. (№ 44) – С 10.

Глеб ГОРБОВСКИЙ:

ПРИЙТИ К ЖИВОЙ ИДЕЕ

— Глеб Яковлевич, питерская газета «Смена» причислила вас однажды к «поздним петербуржцам» — клану избранных поэтов. Как вы к этому относитесь?

— Они меня там вообще причислили к мертвецам! Мол, жил однажды такой поэт — Горбовский и в начале семидесятых помер, а потом другой поэт появился... Они в конце прошлого года делали свой вечер, эти петербуржцы... Меня позвали, а я им говорю — звоните тому Горбовскому на тот свет! А сегодняшний, живой выступит на вечере «Нашего современника»!

— Вы всегда держались в стороне от партий, в том числе и литературных... Выходит, и вас вытащил круговорот общественной активности?

— Вытащил. Многие удивляются, что и я вылез. Вы правильно заметили, что это какой-то смерч, водоворот. Снизу всплывают даже самые тяжелые металлы... Я, имея мировоззрение от любви, любовь ведь дело божественное, — и в политике принимаю идеал любви, любви материнской. Это — любовь к Матери-Родине. Это сидит в нас, никуда не девается, никто не может вытравить... Внешне, особенно для умельцев левого крыла в поэзии, то, что я сейчас сказал, — страшная рутина. Для меня же это основа жизни. Это не банально, и я не краснею за то, что строил свою жизнь именно так, в ущерб мнимым литературным успехам... Я ведь мог, как учили в нашем литературном объединении при Доме профтехобразования, бить словом по мордам, а я — не захотел. Пусть на стихи наросла внешняя щетина, но внутри должно быть добро, Бог, любовь...

— Ну, насчет «по мордам» это в ваших стихах и сегодня присутствует...

— Иногда получается помимо воли, но так у меня — только с бесами. Я в стихах их так и называю — бесы. А с бесами нужно воевать. Перекрестить их — пусть сгинут! А перекрестить можно и дубиной...

Я не любитель лезть в политические дела. Еще давно писал: «Я тихий карлик из дупла, лесовичок ночной, я никому не сделал зла, но недовольны мной!» И так далее... Но в наше тревожное время, когда нас встряхнуло до основания, надо принимать сторону Матери-Родины... Не быть, по крайней мере, ее убийцей! А быть ее защитником. Пусть мои средства тривиальны — слово, убеждения, но это мое выстраданное.

— Откуда в нашей стране тоска по сильной руке?

— Ну, ясно же, люди встревожены неизвестностью, что будет дальше? Они все хотят «дядю»... «Вот приедет барин, барин нас рассудит». Вечная песня в народе, когда идет судорога беспокойства. Обязательно должен кто-то приехать и навести порядок. Примитивно, но это факт.

— Получается, единственно приемлемой формой правления у нас является самодержавие?

— Самодержавие, по-моему, наиболее органично нашему народу. Самодержавие — это покой, по крайней мере... Нравственный покой в том числе, тем более не все государи были мерзавцами, как теперь выяснилось...

— Русский народ прощал своим правителям многое, не прощал слабости...

— Это наше воспитание. Почему в русских семьях было принято — «ложкой в лоб» у первой еды? Приструнить, чтобы замер бунт в человеке с детских лет.

— Как теперь сказали бы, «русский менталитет»?

— Я всех этих слов сторонюсь. Но тоска по удару ложкой в лоб у нас есть. Мы ни к какой западной демократии никогда не привыкнем. Это ясно из всей нашей жизни теперешней.

— Применяя политическую терминологию, можно сказать, что общество качнулось «вправо»?

— Это неизвестно, когда в стране разруха. А «вправо» означает порядок, удар по безобразиям. Хотя все не от нас зависит, все по воле Божьей... Мы думаем, что кого-то выбираем, на что-то влияем, а все идет по определенному «графику» Всевышнего.

— А что с вашими новыми книгами?

— Выбросили из всех издательских планов. Двухтомника «Проза и стихи» не будет, не выйдет новая книга стихов... Нет якобы бумаги. Хотя она есть, как есть и говядина, и колбаса, и прочее в стране. Но страна в судорогах, ее переделывают, перелицовывают, а значит, все потечет по другим законам.

— В прошлые годы вам легче было печататься?

— В те времена я никогда не думал, о чем писать! Я писал о том, чего душа хотела. Пусть две трети ложилось в чемодан или в рюкзак, но все, что я писал, — было искренне. А печаталась одна треть. Это стихи не о партии, а о весенних проталинах... Теперь же, когда пришла свобода, когда отменена якобы цензура, — я должен вертеть носом, как флюгер... Что бы мне такого в прозе подкинуть вонюченького или в стихах — матерку. Извлечь непотребу какую. Я уже думаю, что делать? Как бы понравиться? И это — погано...

— На что же вы теперь живете?

— Мешочником работаю! Езжу к родственникам в Белоруссию. Купил сыру, сала привез. Буду здесь семью кормить. Привезу оттуда вещь какую-нибудь, а в Питере продам!.. Нет! Писать я, конечно, буду. Бог дает разумение и силы. Я работаю много. Буду в стол работать.

— Ваше имя на слуху, вас знают. И это при том, что вы никогда не сидели по два часа в день на телевидении, не выступали с декларациями...

— Нет, я не высовывался... Это вот лихие ребята, типа Евтушенко. Они же головой в объективы бились, лишь бы прозвенеть, на плаву остаться. Для меня такие действия — не тот вариант. Я — человек полузакопанный в листьях былого.

— Вы согласны со «Сменой»?

— В какой-то мере я уже — там! На небесах! Но видите, еще живой! Что и показал вечер «Нашего современника» в питерском Доме писателя. Давно таких вечеров не было! Зал был объединен идеей! Идея — единственное, что может объединить людей. Ни талант, ни деньги тут не помогут. А мы ведь все как-то стесняемся идеи, направленности.

— Но ведь именно идеей и «достали» всех в прежние времена...

— Одной Идеей! Как обухом! Поэтому все стали стесняться этого понятия. А ведь быть безыдейным — все равно что быть без Бога, без внутренней нравственной силы, на которой наш человеческий костяк держится. Идея не должна быть голой, как провода не должны торчать без обмотки. Их надо изолировать. Идея должна быть внутри, но она должна греть, питать весь творческий организм.

— Глеб Яковлевич, вы свои шестьдесят ощущаете?

— Я их начал ощущать, когда мне было сорок! А теперь пришли совершенно другие ощущения, устремления. Многие говорят, что, наоборот, я теперь воспрянул... Меня ведь именно идея оживила. Идея стала богаче, глубже залегла в душу. И я знаю сегодня, что для меня главное. Есть луч зрения, знаю, куда идти... Конечно, я человек мятущийся, могу сбиваться, забыться, не перекреститься, когда и гром грянет, но я обязательно возвращаюсь на свою мировоззренческую тропу.

Интервью вел Сергей ЯНСОН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ